

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

ПУТЬ ОТЪ СУЭСА ДО СИНАЙСКОЙ ОБИТЕЛИ.

23, Понедѣльникъ.

Путешественникъ, какъ человѣкъ кочевой, непрестанно переходитъ съ мѣста на мѣсто. Гдѣ вчера стояла куша его, тамъ сегодня песокъ заравниваетъ круглую борозду ея. Гдѣ сегодня онъ прошелъ, тамъ завтра вѣтеръ замететъ его слѣды. Но трудъ его не бесполезенъ.

Душа путника есть какъ бы живой печатный станокъ и вмѣстѣ свитокъ, на которомъ печатается все видѣнное, слышанное, мыслимое и чувствуемое. Что же, напечатлѣлось сего дня въ душѣ моей, въ этой вѣчно рабочей храмнѣ? — Немногое, начиная съ развалинъ Кольсума до урочища Аюнь — Муса, гдѣ лишь до завтра водружена моя малая куша.

Предъ восходомъ Синайскаго солнца, пока Арабы нагружали ходящіе по пустынямъ корабли, я съ обстроганнымъ посохомъ своимъ, на которомъ въ

дорогѣ отмѣчаю карандашемъ путевой часть, названіе мѣстъ, и даже какую-либо мысль однимъ словомъ, я взошелъ на ближній холмъ, называемый Кольсумъ, который отстоитъ отъ Суэса на 400 или 500 шаговъ. На немъ видны основанія какихъ-то зданій и груды черепковъ. Тутъ, вѣроятно, находился древній Вышъ-городъ, названный Греками Клизма, т. е. ключъ или замокъ. (Это имя Арабы передѣляли въ Кольсумъ.) Нельзя было лучше назвать сей замокъ, который вмѣстѣ съ Суэсомъ какъ ключъ вложенъ въ Черное море, омывающее его съ двухъ сторонъ, сѣверной и южной. У Клизмы, по свидѣтельству блаженнаго Антонина мученика, путешественника и писателя шестаго вѣка, находилась церковь во имя пророка Моисея. Съ темени Кольсумскаго холма хорошо видны Суэсъ и заливъ моря, рѣкою тянущійся къ восточнымъ отрогамъ священной горы Атаги.

«Все въ мірѣ преходитъ, какъ тѣнь. Люди умираютъ и города ихъ исчезаютъ.» Съ этою мыслию я сошелъ съ холма. Утреннія тѣни видимо таяли отъ огненныхъ лучей солнца. Нагруженные верблюды и ихъ погонщики пошли. И я усѣлся на горбу моего Эджина. Весь поѣздъ потянулся гусемъ и, обогнувъ Кольсумскій холмъ, направился къ верховью сѣвернаго залива. У насъ по лѣвую сторону была пустыня, а по правую море. Спустя часъ и сорокъ минутъ ѣзды, мы начали огигать окраину сего за-

лива. Тутъ и гораздо выше на сѣверовостокъ, песчаная ложбина довольно влажна, мягка и зыбка. На ней по мѣстамъ видны лужайки съ осѣвшею солью. Ихъ выкапываютъ Суэскіе Арабы, и во время сильнаго прилива моря запружаютъ. Когда произойдетъ отливъ; вода въ нихъ испаряется отъ солнца, и остается одна бѣлая соль. Далекое протяженіе помянутой ложбины привело меня къ заключенію, что Черное море въ древнія времена простиралось гораздо далѣе на сѣверо-востокъ. Ущербъ его легко изъясняется наносными песками изъ окрестныхъ пустынь при сильныхъ вѣтрахъ. Отъ этихъ песковъ обмелѣлъ и тотъ искусственный водоводъ, по которому нѣкогда суда проходили изъ Нила въ средину Краснаго моря. Впрочемъ русло его съ привысшими берегами, по словамъ Арабовъ, замѣтно и теперъ. Изслѣдованіе его я отложилъ до возвращенія въ Суэсъ.

Этотъ водоводъ въ древности рѣзко отдѣлялъ Азію отъ Африки на Суэскомъ перешейкѣ. А нынѣ тутъ нѣтъ никакого разграниченія двухъ частей Свѣта. Обѣхавъ оконечность залива, я непримѣтно очутился въ Азій. Пустыня Еѳамская т. е. водная, принявшая нѣкогда народъ Божій по переходѣ его чрезъ Черное море, приняла и меня на свою песчаную равнину. Я ѣхалъ по ней въ теченіи двухъ часовъ, пока не сравнялся съ мѣстомъ Ел-Аргáда, съ котораго Суэскіе Арабы отправляются за водою къ

близнему источнику Эн-Наба. Позади меня былъ сѣверъ, впереди югъ, справа поморье, слѣва горная цѣпь Ер-Раха, тянущаяся вдоль залива, но въ значительной дали отъ него. Я спрашивалъ проводниковъ своихъ: есть ли пониженіе за Ер-Рахою, и что тамъ находится? И каковъ источникъ Ен-Наба? На первый вопросъ они отвѣчали мнѣ, что по ту сторону Рахи нѣтъ никакого пониженія, и что тамъ непосредственно начинается необозримая равнина песчаная. А объ Эн-Набѣ повѣдали, что сей родникъ воды находится въ глубокой и широкой ямѣ, въ которую сходятъ по каменнымъ ступенямъ; вода въ немъ соленовата, и никуда не вытекаетъ; ею заразъ можно напоить двѣсти верблюдовъ, а въ дождливое время и болѣе.

Отъ Аргáды до Аюнъ-Муса мы ѣхали по пескамъ и кремешкамъ Эѳамской пустыни еще сто двадцать минутъ. Въ два часа по полудни поѣздъ нашъ остановился здѣсь на ночлегъ. Ибрагимъ поставилъ мою зеленую палатку недалеко отъ дома и сада Суэскаго купца Маноли. Арабы повели верблюдовъ поить водою изъ мѣстныхъ источниковъ. Издали видно было: съ какою жадностію эти животныя глотали влагу, которой не пили въ теченіи пяти дней и ночей. Какъ только я прилежъ отдохнуть, переводчикъ вошелъ ко мнѣ съ мѣстнымъ садовникомъ, который отмѣнно учтиво привѣтствовалъ меня съ пріѣздомъ и поднесъ мнѣ небольшой пукъ свѣжихъ цвѣтовъ,

семь красныхъ рѣпъ и огурчикъ. Такой подарокъ въ песчаной пустынѣ былъ мнѣ очень приятенъ; за то въ моемъ кошелькѣ осталось менѣе одною златицею въ 20 пиастровъ.

Предъ закатомъ солнца было самое лучшее время для обозрѣнія Аюпъ-Мусовскаго переупутья. Я пошелъ съ Ибрагимомъ къ воднымъ источникамъ, и насчиталъ ихъ пять, внѣ сада Маноли. Въ ямахъ разной глубины и ширины, ископанныхъ тамъ-сямъ въ песокъ, стоитъ неподвижно темноватая и соленая вода, а въ одной изъ нихъ сѣрная. Если она послѣ прибыли уменьшается, то оставляетъ по себѣ какой-то жесткій отстой на окраинахъ ямъ, такъ что вокругъ большихъ источниковъ отъ того образовались привыси неопредѣленнаго цвѣта. Вода была ни теплая, ни холодная. Истое подобіе нѣкоторыхъ людей, равнодушныхъ къ вѣрѣ и добродѣтели, къ природѣ и обществу! Близъ источниковъ растутъ дикіе финики. Они гораздо ниже садовыхъ; и стволы ихъ, съ обломанною по мѣстамъ чешуею и съ тканью въ родѣ рядиннаго полотна, сверху до низу весьма густо покрыты зелеными и сухими вѣтвями. Всѣ эти деревья мужескаго пола. По словамъ переводчика, онѣ обглоданы были голодными солдатами Ибрагима паши, возвращавшимися въ Египетъ изъ Сиріи въ 1840 году.

Осмотрѣвъ родники, я пошелъ къ Манолину дому, къ которому примыкаетъ небольшой вертоградъ.

Садовникъ, единственный житель въ этомъ пустынномъ приютѣ, показалъ мнѣ на дворѣ два источника воды, одинъ большой и другой, по близости, малый. Первый можно назвать ставкомъ. Въ обоихъ вода гораздо свѣтлѣе и прѣснѣе, нежели въ прочихъ ключахъ, но нехолодна, и держится въ уровень съ землею. Я отвѣдалъ ее. За неимѣніемъ лучшей влаги можно пить и эту, и особенно, изъ малаго родника. Большой ставокъ назначенъ для напоенія сада. Вертоградаръ пропускаетъ туда воду посредствомъ подземельной трубы и разводитъ ее по деревьямъ и грядкамъ. Садъ наполненъ по большей части акаціями. Есть въ немъ гранаты и маслины. Всѣ эти деревья посажены рядами такъ, что между ними можно гулять по узенькимъ тропинкамъ. Есть тѣнь. На грядкахъ растутъ овощи и столовая зелень. Изъ этого сада, единственнаго въ окрестностяхъ Суэса, хорошо видны и сей городъ, и Черное море, и окаймляющія его Африканскія горы. Онъ расположенъ на привыси, отъ которой начинается слабый склонъ пустыни Эамской къ заливу морскому. Значительная часть этого склона — мокровата. Видно, что вода просачивается изъ мѣстныхъ родниковъ и увлажяетъ его, теряясь въ пескахъ.

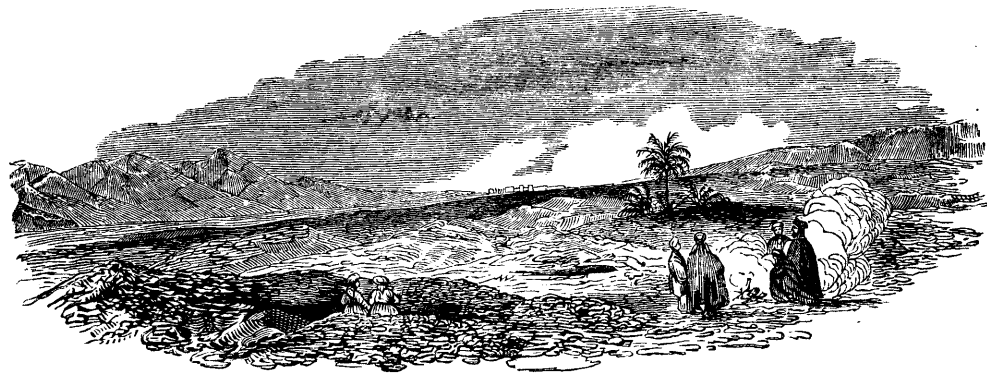
Эти родники именуются Аюпъ-Муса, что значитъ: очи Моисеевы, или точнѣе, очи водные. Ибо Арабы называютъ окомъ всякій родникъ воды, безъ сомнѣнія, по сходству его съ глазомъ, который за-

ключаетъ въ себѣ влагу своего рода. Изъ нашихъ глазъ иногда льются потоки горькихъ слезъ; и века ихъ пухнуть такъ же, какъ ботѣють окраины Аюнь Мусовскихъ ключей.

Священное Писаніе не упоминаетъ о нихъ, какъ и о многихъ другихъ источникахъ, которые находятся въ горахъ Синайскихъ. Но безъ сомнѣнія они существовали при Моусеѣ. Иначе, Израильтянамъ, перешедшимъ чрезъ море, нечѣмъ было бы поить свой скотъ, и не откуда запасться водою для дальнѣйшаго шествія. Аюнь-Мусовскіе ключи нельзя признать за горькія воды, прозванныя Меррою. Ибо сіи воды найдены были Евреями уже спустя три дня пути отъ моря по пустынѣ безводной. А сказанные ключи представились имъ тотчасъ по переходѣ чрезъ Чермную пучину, если только вѣрно то, что они здѣсь перешли ее. Поелику же въ Св. Писаніи не говорится о нихъ; то кто, когда и почему назвалъ ихъ, Муса? И должно ли разумѣть подъ этимъ названіемъ вождя Израильтянъ Моусея? Думаю, что рѣченіе Аюнь-Муса надобно переводить не очи Моусевы, а очи водные, потому что Египетское слово Мосъ, изъ котораго образовалось Арабское Муса, значитъ: вода *). Думаю также, что Египтяне, ранѣе вождя Израильтянъ, обдѣлали родники, о ко-

*) Μῶς. τὸ γὰρ ὕδωρ μῶς ὀνομάζουσι Ἀγύπτιοι. Philo jud. de vita Mosis. Tom. II p. 83 edit. Mang.

торыхъ идетъ рѣчь, или открыли ихъ, пробуравивъ подземный камень, и потому назвали ихъ Мосісъ, т. е. воды добытыя *). А подвластные имъ жители Синайскаго полуострова по своему передѣлали это названіе въ Муса, разумѣя не Моусея, а воду добытую искусственно, и прибавили къ нему свое иносказательное рѣченіе, Аюнь—очи. Такое предположеніе, или объясненіе мое близко ли къ истинѣ, далеко ли отъ нея, или совсѣмъ не вѣрно: судить о семъ предоставляю другимъ, и позволяю себѣ примолвить, что если подъ именемъ Муса должно разумѣть Моусея, то остается непонятнымъ, почему описанныя нами воды названы его именемъ, тогда какъ онъ не только ничего чудеснаго не сдѣлалъ тутъ, но даже и не упомянулъ о нихъ.

*) Μῶς σημαίνει τὸ ὕδωρ Ἀγυπτιατῶν, καὶ τὸ Σης σημαίνει τὸ λαμβανὸ κατ' Ἀγυπτίους. Glossa in Octateuchum e Codice Vossiano desumpta. The Water in jabl. Opusc. I. p. 157. 158 nota.

24, Вторникъ.

Сегодня, съ шести часовъ утра до четырехъ по полудни, я ѣхалъ отъ Аюнъ-Муса до ложбины Ярданской, палимый солнцемъ, изнуряемый жаждою и безпокоймый сильнымъ западнымъ вѣтромъ. Все пространство между этими двумя мѣстностями песчано, безводно и печально. Нигдѣ не видно ни деревца зеленого, ни козочки длинноухой, ни Бедуина сухоребраго. Только на руслахъ высохшихъ дождевыхъ потоковъ торчатъ ощипанья верблюдами иглистыя кочки, и растутъ кой-какое быліе травное. Сегодня пройдены были поперекъ четыре такихъ русла, именно: Рейяне, Курдіе, Ель-Ата, и Судръ. Первое отстоитъ отъ Аюнъ-Муса на часъ ѣзды; ко второму отъ перваго поспѣваютъ въ два часа, къ третьему во столько же, и оттуда до Судра въ три. Всѣ эти русла сбѣгаютъ отъ горнаго хребта Ер-Рахійскаго къ Чермному морю по слабой наклонности. Незнаю, глубоки ли онѣ въ верховьяхъ своихъ, а при дорогѣ и далѣе къ морю весьма мелки, и разграничиваются между собою мало-выпуклыми равнинами пустыни. Когда смотришь къ помянутому хребту, въ которомъ одинъ гребень называется Судръ, видишь безчисленное множество песчаныхъ кучь, бугровъ и холмовъ, какъ будто огромное кладбище усѣянное могилами. На всемъ этомъ пространствѣ могло помѣститься великое множество Израильтянъ, какъ въ небольшой долинѣ Лейпцигской

могли сражаться многочисленныя полки Россіи, Австріи, Пруссіи и Франціи. Но чѣмъ питался здѣсь этотъ избранный народъ? По всей вѣроятности, тѣмъ скотомъ, который онъ велъ съ собою изъ Египта, и для котораго не было тутъ ни достаточной пажити, ни воды. Въ Св. Писаніи сказано, что Израильтяне по переходѣ чрезъ море три дня шли по пустынѣ Суръ и не находили воды. (Исход. 15, 22. сл.) Стало быть, тогда не перепадали дожди, хотя былъ мѣсяцъ Мартъ, и всѣ здѣшнія ложбины были сухи. Правда, въ Ер-Рахійскомъ хребтѣ есть родникъ воды, который Бедуины называютъ Тасе-Судръ, т. е. чаша или водоемъ Судрскій, и отъ котораго вся ложбина именуется такъ же Судръ, напоминая тѣмъ Библейскую пустыню Суръ. Но этотъ родникъ скуденъ водою; и Евреи, какъ видится, не знали его. Что же они пили? Надобно думать, что у каждаго изъ нихъ былъ запасъ воды изъ Нила и изъ Аюнъ-Мусовскихъ ключей. Иначе, они могли бы отъ жажды помереть въ пустынѣ Сурской.

Тутъ и я мучился, какъ евангельскій богачъ въ адѣ. Хотя въ кожаномъ мѣхѣ моемъ и была холодная вода, но-такая соленая, что болѣе возбуждала, нежели утоляла жажду. Соль просачивалась сквозь мѣхъ и осѣдала на немъ. Ни апельсины, ни лимоны не услаждали моей горячей и огоркшей гортани. Къ довершенію злостраданія, дулъ палящій вѣтеръ съ запада; къ тому же верблюды медлили на

ложбинахъ, жадно ошпыывая кочки и бросаясь въ стороны за одною пріятно пахучею травкою, которая составляетъ ихъ лакомство. Медлительность и прожорство ихъ въ пути выводятъ изъ терпѣнія. Начнешь побоями удерживать своего горбуна: гнѣвается хозяинъ его, сердится и онъ. А верблюдъ подь переводчикомъ моимъ во всю дорогу ревѣлъ, не вѣсть отъ чего. Крикъ его надоѣлъ всѣмъ намъ. Ибрагимъ вздумалъ проучить его. Какъ же? То пустится на немъ впередъ, то вернется назадъ, то рыщетъ въ ту да другую сторону дороги. А животное кричитъ пуще. Онъ начнетъ бить его по шеѣ и по головѣ пальмовою линейкою: а горбунъ тотчасъ падаетъ на колѣна и реветъ еще пуще. Наконецъ, Ибрагимъ принужденъ былъ пересѣсть на другое животное. Этотъ случай показалъ, что верблюда можно приучить къ быстрымъ поворотамъ, и что на немъ можно ловко сражаться съ непріателемъ.

Уади Суръ шире сосѣднихъ ложбинъ и богаче пажитью для верблюдовъ. Она принадлежитъ Арабамъ, извѣстнымъ подь именемъ Терабинъ, которыхъ главное кочевье расположено около источника Тасе-Судръ въ горѣ. Это племя бѣдно и малочисленно. Въ двадцати пяти палаткахъ его едвали найдется сорокъ семей. Синайскіе Бедуины говорятъ, что предки этихъ скитальцовъ пришли изъ Палестины, гдѣ на югъ отъ Газы кочуетъ главное племя того же имени, богатое стадами. Терабины пользуются

многими источниками воды, именно, Эн-Наба, Аюнъ-Муса, Тасе-Судръ и Эн-Абу-Суейра въ низовьѣ Ярдана недалеко отъ моря.

Отъ Уади Суръ я поѣхалъ далѣе, и послѣ двухъ-часоваго пути остановился на ночлегъ въ песчаной ложбинѣ Ярданской, но не на главномъ руслѣ ея, до котораго было еще не близко. Крѣпкій вѣтеръ возметалъ песокъ и менѣе, нежели въ четверть часа, покрывалъ имъ всю нашу рухлядь. Нельзя было поставить купци. Надлежало ожидать вечера, въ который обыкновенно утихаютъ пустынные вихри. Ожиданіе было томительное. Песокъ заслѣплялъ глаза, хрустѣлъ на зубахъ, и щекоталъ ноздри и уши. Не способно было ни лежать, ни ходить. Я усѣлся на складномъ стулѣ, и склонивъ голову къ груди, чувствовалъ только то, что мнѣ было тяжело. Ко мнѣ подошелъ Иванъ мой и сказалъ:

— Э! куда забрались монахи! какъ ящерицы — въ песокъ! Чѣмъ далѣе ѣдемъ, тѣмъ хуже становится. Охота вамъ пускаться въ такія мѣста.

— Охота пуще неволи, Иванъ, отвѣчалъ я и примолвилъ: монахи-диковинные люди. Гдѣ пусто и худо, тамъ и они подь Богомъ ходятъ.

— Не нашли они лучшаго мѣста.

— А кто бы поселился на Синаѣ у неопалимой Купины?

— Для чего же тамъ селиться?

— Для того, чтобы Богу лучше молиться.

— Вотъ тебѣ на! Богъ вездѣ есть; и кто праведенъ, тотъ можетъ молиться ему, какъ должно, и не въ пустынѣ.

— Оно такъ, Иванъ! Да много ли праведниковъ на семь свѣтѣ? Они, конечно, спасаются и въ столицахъ и въ роскошныхъ усадьбахъ. А грѣшникъ-то гдѣ укрыться отъ соблазновъ, если не въ пустынѣ?

— Но развѣ пустышники не грѣшатъ?

— Грѣшатъ, однако менѣе и рѣже, чѣмъ міряне. Пустыня, братъ, большая помѣха грѣху. Посластился бы, да нечѣмъ; полюбовался бы, да не начто; гульнулъ бы, да нѣтъ ни пивца, ни винца. Анъ и по неволѣ возмешься здѣсь за умъ да разумъ, и почаше будешь думать о Богѣ, раѣ и адѣ.

— И то правда!

— А вотъ еще и другая правда! Вѣдь, Христосъ есть Спаситель всѣхъ людей. А люди, какъ видишь и какъ знаешь, живутъ и въ жаркихъ пустыняхъ и у Ледовитаго моря. Кто же пойдетъ сюда, или туда учить и крестить ихъ? Женатые священники? Трудно имъ такое дѣло, а монахамъ оно легко. — Этимъ кончился разговоръ нашъ.

Когда день началъ склоняться къ ночи, и вѣтеръ утихъ; тогда мнѣ уготовали походную горницу. Послѣ чаю я сѣлъ у входа ея лицомъ къ западу. Солнце закатилось за Африканскими горами, обставляющими западное побережье Чермнаго моря. Эти горы, именно Атага и Галалъ съ ихъ длинными от-

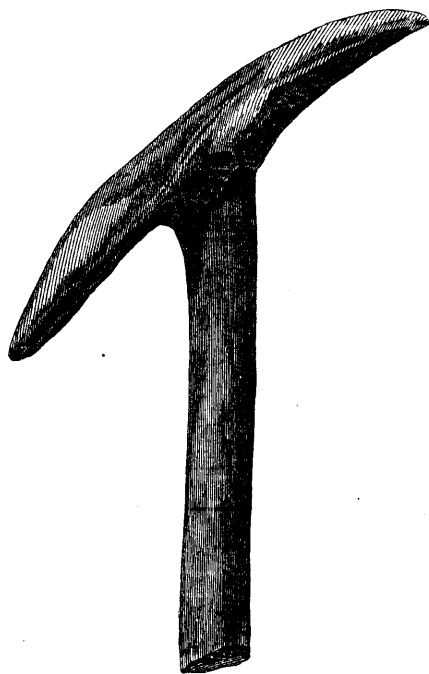
рогами, одѣлись въ прозрачную и тонкую синеву. Я начертилъ видъ ихъ, какъ умѣлъ, (*) и полюбовавшись густо-синимъ отсвѣтомъ отъ нихъ, укрылся въ палаткѣ своей, твердя слова псалмопѣвца: дивно свѣтиши отъ горъ вѣчныхъ.

25, Среда.

Лучезарный исполинъ неба и я, не темный крохотка земли, мы снова пошли въ путь. Около него вращались планеты, подлѣ меня шагали Синайскіе Бедуины. Всѣ эти чада пустыни, кромѣ одного молодца съ бѣлѣйшими зубами, были люди пожилые. Ихъ головы подъ красными фесами были обвернуты бѣлыми *завивалами* въ двѣ складки. Кожаные красные поясы на чреслахъ стягивали длинныя полотняныя рубахи ихъ, кои давно не мыты были. Исполницъ они не носятъ. На босыхъ ногахъ ихъ были сандаля дреняго покроя. Эта обувь состоитъ изъ однѣхъ подошвъ, кои прикрѣпляются къ ступнѣ ремешкомъ, продернутымъ между большимъ и первымъ пальцами ноги, и привязаннымъ къ ременному ободку, обхватывающему пяту. Бедуины сами себѣ готовятъ эти сандаля изъ толстой сушеной кожи одной большой рыбы, которая водится въ Крас-

(*) Смотри ихъ очеркъ.

номъ морѣ. Надолго стаетъ имъ этой диковинной обуви. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ тонкую палку изъ манноваго дерева, не для понужденія верблюдовъ, (они погоняютъ ихъ криками, или ударомъ ладони), а для облегченія себя въ пути. Они порой пропускаютъ ее между обоими согнутыми локтями поперекъ спины, и такъ поддерживаютъ равновѣсіе между верхнею частию тѣла и ногами. У нѣкоторыхъ погонщиковъ посошки были точь въ точь какіе, какіе держатъ боги Египетскіе, изваянные на стѣнахъ полуразрушенныхъ храмовъ, т. е. съ косвенною перемычкою въ видѣ птички, сидящей и смотрящей вверхъ. Эта перемычка не накладная. Она вмѣстѣ

съ палкою отрѣзывается отъ цѣлаго дерева. Замѣчательна не столько эта вещьца, сколько неизмѣнчивость нѣкоторыхъ древнѣйшихъ обычаевъ на Востокѣ. Одинъ изъ Бедуиновъ подарилъ мнѣ такой посошокъ. Сей подарокъ былъ мнѣ пріятенъ; ибо онъ придавалъ мнѣ значеніе Синайскаго богомольца.

Опираясь на манновый костылекъ, я бодренно шелъ позади своего поѣзда. Минулъ часъ въ пути. Мы вступили въ Уади Ярданъ. Сухое русло этой широкой ложбины усѣяно гольшами. Видно, что дождевая вода течетъ тутъ сильнымъ потокомъ и стремится эти камни по слабой покатости. Не даромъ этой ложбинѣ дано имя Ярданъ, которое значитъ, потокъ, рѣка. Это — Синайскій Иорданъ. Въ устьѣ его близъ моря есть родникъ сладкой воды, который Арабы называютъ Абу-Суейра, Но въ бездождіе онъ высыхаетъ.

Когда въ здѣшной пустынѣ долго идутъ дожди; тогда по ней течетъ столько потоковъ, сколько есть ложбинъ. Въ нихъ можно бы устроить изъ камня глубокіе водоемы и подлѣ нихъ пріюты съ садами для путниковъ. Но не намъ суждено обращать пустыни въ рай. Онѣ процвѣтутъ тогда, когда отдаленное потомство исполинское, возненавидѣвъ войны, суету и роскошь, употребитъ свои силы и деньги на обращеніе всей земли въ Эдемъ прекрасный. Это дѣло есть обязанность человѣчества.

Въ Уади Ярданъ я сѣлъ на верблюда и въ веселіи души продолжалъ путь по песчаной равнинѣ. Прошли три часа. Эта равнина кончилась у горнаго отрога, который дугообразно огибаетъ ее, протягаясь отъ Ер-Рахійскаго верховья Уади Ярдана въ юговосточномъ направленіи, и потомъ поворачивая на сѣверо-западъ къ устью этой Уади и къ источнику Абу-Суейра. Весь этотъ не высокій отрогъ состоитъ изъ цѣпи песчаныхъ и известковыхъ холмовъ, пронизанныхъ кремнями и кристалловидными слоями въ родѣ слюды. На немъ нѣтъ никакой растительности. Переправившись чрезъ него въ самомъ сгибѣ дуги, я спустился въ Уади Ель-Амѣра, и минутъ чрезъ двадцать прошагалъ по руслу ея, на которомъ тамъ-сямъ торчатъ зеленыя кочки. Название сей ложбины напомнило мнѣ Библейскую Мерру, или то мѣсто, гдѣ Израильтяне послѣ трехдневнаго пути по Сурской пустынѣ нашли горькую воду. Правда, въ Амарѣ нѣтъ никакого источника: но спустя два часа ѣзды я очутился у родника воды, который слыветъ подъ именемъ Ховѣра, и который Арабы почитаютъ самымъ горькимъ и негоднымъ въ здѣшнемъ околоткѣ.

Сей родникъ заключенъ въ круглой ямѣ, которой привиспстыя окраины покрыты бѣловатою окаменѣlostію, образовавшеюся въ теченіи вѣковъ отъ осадки многосложной воды. Поперечникъ его будетъ въ сажень слишкомъ, а глубь воды—не болѣе

какъ въ десять вершковъ. Она весьма солена, горька и зловонна. Вокругъ родника хотя и замѣтны слѣды теченія; но при мнѣ изъ него не выходила ни одна струя. У отверстія его стоятъ два уродливые фирика, а около нихъ иглистый кустарникъ, называемый Гаргѣдъ, который въ Іюнѣ даетъ сочныя, кислыя ягоды краснаго цвѣта.

Источникъ Ховара какъ по свойству воды, такъ и по мѣстности, можетъ быть признанъ за ту горькую воду, которую Израильтяне нашли послѣ трехдневнаго пути по Сурской пустынѣ. Ибо отъ Аюнъ-Мусы до этого источника разстояніе велико. Я налегкѣ прошелъ его въ полторы сутки. А Израильтяне съ женами и дѣтьми, съ жизненными припасами, рухлядью, и съ палатками, кои надлежало ставить и убирать ежедневно, и со скотомъ, который пасся по дорогѣ, могли поспѣть къ Ховарѣ лишь въ третій день. На всемъ этомъ пространствѣ они не находили воды. Стало быть, источникъ Судрскій въ горѣ Рахъ былъ неизвѣстенъ имъ, а Абу-Суейрскій или не существовалъ, или пересохъ во время ихъ перехода.

Моисей усладилъ Ховарскую воду, вложивъ въ нее показанное Богомъ дерево. Но достаточно ли было сего малаго источника для многочисленнаго народа? Достаточно при запасѣ Мусовской воды! Ибо пустынные родники весьма скоро наполняются по вычерпаніи изъ нихъ влаги; и чѣмъ болѣе вытаскиваютъ ее, тѣмъ лучше она становится. При томъ

думать надобно, что въ отдаленное отъ насъ время Ховарская вода осадками своими еще не сдѣлала той каменистой привыси, которая существуетъ нынѣ, и слѣдовательно текла къ морю ручьемъ. А изъ ручья можетъ пить великое множество людей и скота.

Синайскимъ Бедуинамъ вовсе не извѣстно Библейское названіе Мерра. На вопросъ же мой, — не знаютъ ли они средства услаждать горькую воду, — они отвѣчали отрицательно.

Въ Меррѣ богъ положи израилю и мовсею оправданія и судьбы, и тамо его искуси. И рече: аще слухомъ услышиши гласъ господя бога твоего, и угодная предъ нимъ сотвориши, и внушиши заповѣдемъ его, и сохраниши вся оправданія его: всяку болѣзнь, юже наведохъ египтяномъ, не наведу на тя. Азъ бо есмь господь богъ твой исцѣляяй тя (Исход. 15, 25 — 27).

По осмотрѣ Ховарскаго источника я двинулся далѣе. Черезъ полчаса проводники указали мнѣ налѣво отъ дороги малую равнину, называемую Нукея ел-Фулъ, и примолвили, что тутъ Терабинскіе Бедуины сѣютъ ячмень послѣ обильныхъ дождей и собираютъ небольшую жатву. На этотъ разъ посѣва не было. Но я замѣтилъ на полѣ остатки соломы. Дожди наносятъ тутъ иль, способный къ растительности. Это поле есть единственная нива на всемъ Синайскомъ полуостровѣ.

Еще часа полтора прошло въ пути; и побѣздъ мой спустился въ долину Гарендель. Она глубока, широка и лѣсиста. Въ ней находятся два источника соленоватой воды, одинъ въ ея верховьѣ, а другой въ низовьѣ. Послѣдній струится, однако въ продолжительное бездождіе, на пр: двухлѣтнее, перестаетъ течь. Но вода въ немъ не исчезаетъ; ее всегда можно добыть, прокопавъ песокъ нѣсколько глубже. Гарендельская долина наполнена разными деревьями и кустарниками, кои походятъ на молодой перелѣсокъ. Въ ней растутъ дикія финичія, колючія акаціи, а болѣе всего ягодистый Гаргадъ и манновое дерево, которое здѣшніе Арабы называютъ Тарфа. Верблюды очень любятъ это хвойное дерево, и ошипываютъ молодые побѣги и верхушки вѣтвей его. Я въ первый разъ увидѣлъ тутъ сіе растеніе. Его зеленія иголки весьма мелки и мягки; цвѣты его блѣдно-розовы; кора стволовъ темно-красновата; густыя вѣтви раскидисты; многочисленные отпрыски толстоваты и высоки, и отъ корня до вершинъ одѣты хвоемъ, котораго зелень блѣднѣе кипарисной, или сосновой. Замѣчательно, что нѣкоторыя вѣтви сего дерева стелются по землѣ, да и выше ея откидываются въ стороны, какъ протянутыя руки; и изъ нихъ выбѣгаютъ прямо вверхъ тонкія лозы. Изъ сихъ-то лозъ Арабы выдѣлываютъ вышеописанные мною жезлы. Хвой манноваго дерева, довольно нѣжный, доказываетъ, что Синайскій полуостровъ находится

въ умѣренномъ поясѣ земли. Въ Палестинѣ, кромѣ побережья Мертваго моря, нигдѣ нѣтъ сего растенія; и едва ли можно приурочить его тамъ, потому что бываютъ морозы, и падаетъ снѣгъ. Въ св. землѣ, какъ и въ Сиріи, растутъ хвойныя деревья другаго рода, болѣе грубыя и крѣпкія, какъ-то, пинны и кедры. Ибо обѣ эти страны выше Синайскаго полуострова, и слѣдовательно прохладнѣе. Умъ Божій премудро распредѣлилъ деревья и растенія на поверхности земли, такъ же какъ и народы, или созвѣздія на небѣ. Всему назначено свое мѣсто, сонямъ — возвышенная плоскость Россіи, Карпаты, Аѳонъ, Тавръ, Кавказъ, а маннамъ — Синайскія долины, таящіяся межъ горъ.

Уади Гарендель замѣчательна и тѣмъ, что у верховья ея оканчивается горный хребетъ Ер-Раха, и непосредственно начинается горная цѣпь подъ названіемъ Ет-Тихъ, которая непрерывно стелется къ востоку до Эланитскаго, или Акабайскаго залива Чермнаго моря, и служитъ длинною основою тригольника, вмѣщающаго Синайскій полуостровъ. До Гаренделя, между Ер-Рахою и моремъ, тянется и ширится пустынная равнина, исполосованная многими руслами дождевыхъ потоковъ, а по ту сторону этой кустистой долины, между поморіемъ и Ет-Тихомъ, высится страна гористая, населенная Бедуинами, слывущими подъ именемъ Алеикатовъ.

Я думаю, что Гарендель есть граница между Эамо-Сурскою пустынею и Элимомъ, о которыхъ говорится въ книгахъ: Исхода 15, 22. 23. 27, и Числь, 33, 8. 9. Эта Уади составляетъ не весь Элимъ, а только начало сего околотка, въ которомъ Израильтяне нашли двѣнадцать источниковъ и семьдесятъ дикихъ финичій. Ниже будетъ пояснено это мое мнѣніе.

Изъ Гарендельской долины поѣздъ мой поднялся, сперва, на высокій отрогъ Ет-Тиха, потомъ, спустя тридцать минутъ, потянулся по равнинной выси въ юговосточномъ направленіи къ Уади-Усейтъ, и чрезъ полтора часа остановился въ ней на ночлегъ у источника, приосѣненнаго финичіями. Уже вечерѣло. Ни одинъ лучъ солнца не освѣщалъ глуби сей долины и окрестныхъ высотъ. Тѣни покрывали мое кочевье. Я былъ утомленъ отъ продолжительнаго пути, и едва могъ писать свои дорожныя замѣтки.

26, Четвертокъ

Утромъ, пока Арабы выючили верблюдовъ, осмотрѣна была мною Усейтская долина. Она такъ же, какъ и Уади Гарендель, низходитъ отъ Ет-Тихскаго хребта къ морю, мимо сѣверной стороны горы Хаммамъ-Фараонъ, описывая извивистую линію. Источникъ ея, подлѣ котораго мы ночевали, есть не что иное, какъ лунка, вкось ископанная въ крупномъ

пескъ. Воды въ немъ мало, да и та соленовата. Вчера Арабы деревяннымъ ковшомъ начерпывали ее для своихъ верблюдовъ, которые сами не могли тутъ напиться по причинѣ косвенности отверстія родника и скудости воды. Эта косвенность придана ему нарочито, дабы драгоценная влага не испарялась отъ солнца. Въ Уади Усейтъ по мѣстамъ видны дикія финичія и акаціи. Она дика, суха, известковата. Ежели эта юдоля входила въ составъ Библейскаго Элима; то источникъ ея, послѣ двухъ Гарендельскихъ, былъ третій. Онъ напоевалъ часть Израильтянъ, которые по многочисленности, безъ сомнѣнія, раскочевывали на большомъ пространствѣ, такъ что одни оставались въ Гаренделѣ, другіе становили въ Усейтъ, а прочіе въ сопредѣльныхъ не безводныхъ юдоляхъ. Близоруки тѣ, которые признаютъ за Элимъ одну Усейтскую долину. Въ ней никакъ не могли помѣститься два милліона народа со скотомъ. Ибо она узка, коротка и стѣснена утесистою горою Хаммамъ-Фараонъ.

По Усейту мнѣ хотѣлось спуститься къ подошвѣ этой горы, омываемой Краснымъ моремъ, дабы видѣть истекающіе изъ нея горячіе, сѣрные ключи, которые извѣстны подъ именемъ Хаммамъ Фараунъ, бань Фараоновыхъ. Но проводники отклонили меня отъ этой поѣздки, поставивъ на видъ трудность дороги, отдаленность помянутыхъ бань, и невозможность обогнуть гору у моря, потому что скалы ея стоятъ

въ самой водѣ Я раздумалъ, и за верблюдами пошелъ по торной дорогѣ, по которой обыкновенно водятъ поклонниковъ на Синай.

Иду, опираясь на манновъ посорокъ свой, и творю святую молитву въ часъ утренній. Арабы разговариваютъ между собою. Непонятенъ мнѣ ихъ говоръ. Допытываю у переводчика смыслъ ихъ рѣчей. Онъ отвѣчаетъ мнѣ: «Бедуины превозносятъ мудрость своихъ совѣтовъ, только-что данныхъ вамъ, и хвалятъ ваше послушаніе и кротость.»

Иду, опираясь на манновъ посорокъ свой, и соображаю, что ежели Гарендель, Усейтъ и сопредѣліе сей послѣдней долины составляютъ Библейскій Элимъ, то изъ сего околотка Моисей съ народомъ своимъ могъ идти къ морю (Числ. 33, 9. 10.) только настоящею дорогою. Ибо утесистая гора Хаммамъ Фараонъ, непроходимая у моря, неизбежно отводила его на нее. Такое соображеніе услаждаетъ мою душу, любящую помянуть шествіе Израильтянъ къ Синаю. Мнѣ вождѣнно быть тамъ, гдѣ Всевышній чудно проявлялъ свою славу.

Иду, опираясь на манновъ посорокъ свой, и вижу вдали подъ небомъ какъ бы куполь огромный, высокій и круглый; всматриваюсь болѣе и болѣе въ величественный предметъ сей; и онъ кажется мнѣ уже кудрявою головою на плечахъ исполина, прикрытою тончайшею тканію синелазуреваго пвѣта. Спрашиваю Бедуиновъ: что это такое? Они гово-

рять мнѣ: это гора Зербаль. Я опять вперяю въ нее взоръ мой, остановившись на нѣсколько мгновений, люблюсь ею, и въ душевномъ восхищеніи, котораго нельзя передать никакимъ перомъ, произношу слова Псалмопѣвца: дивна дѣла твоя, Господи! дивно свѣтиши отъ горъ вѣчныхъ!

Плоская наклонность, по которой тянулся поѣздъ мой, называется Ель-Хѣвсе по имени малой Уади, до которой мы достигли спустя два часа по отъѣздѣ изъ Усейта. Эта юдоля ничѣмъ не замѣчательна. Дальнѣйшая дорога извивалась между отрогами и холмами Ет-Тихскаго хребта и горою Хаммамъ Фараонъ, которая довольно высока, обрывиста и дика. Темя ея изщепано, чело усѣчено прямо, середина и низовье подперты косвенными обвалами. Она состоитъ изъ известняка, пропитаннаго сплошь кремнистымъ веществомъ, и отъ того кажется темно-красновата, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ рѣзко обозначается мелъ. Обрывистые утесы ея тянутся вдоль Чермнаго моря отъ горячихъ ключей до устья Уади Тайбе, и преграждаютъ тамъ прибрежную дорогу путнику, который можетъ пройти лишь пѣшкомъ по узкой стезѣ, протоптанной въ верхней части сей горы, какъ говорили мнѣ проводники мои. При такомъ положеніи Хаммама, Израильтяне неотмѣнно должны были слѣдовать изъ Гаренделя и Усейта тѣмъ путемъ, которымъ ѣхалъ я.

Послѣ Уади Ель-Хѣвсе, спустя 30, или 40 минутъ пройдена была нами долина Аталь, бѣдная пажитями и растительностію отъ того, что почва ея селитренна. Въ ней, по словамъ Арабовъ, есть два скудные родника воды въ ямкахъ. Послѣ водъ Гарендельской и Усейтской я считаю ихъ четвертымъ и пятымъ источниками Элима. Уади Аталь врѣзывается въ Хаммамскую гору и съ нею сливается, не доходя до моря.

Изъ этой долины мы начали спускаться южнѣе къ верховью Уади Тайбе. На пути у одной возвышенности Арабы указали мнѣ небольшую кучу, сметанную изъ камней, и повѣдали, что тутъ древле погребена была жена Реиса-Ет-Ѳемана. Напрасно я допрашивалъ ихъ: кто этотъ Ѳеманъ. Они не знали ни рода, ни судьбы его. Въ священной книгѣ Бытія, въ числѣ сельныхъ сыновъ Измаила сына Аврамова, упоминается Ѳеманъ (глав. 25, 15.) Въ той же книгѣ говорится, что у Исава отца Едомля на горѣ Сиръ (сопредѣльной съ Синаемъ) родились сыны Елифасъ и Рагуиль, и что у Елифаса былъ сынъ, старѣйшина Ѳеманъ въ землѣ Идумейской. (Быт. 36, 10. 11. 15. 16.) Который же изъ сихъ двухъ Ѳемановъ похоронилъ жену свою на Синаѣ? Вѣроятно, вторый. Ибо сынъ Измаила ничѣмъ не прославилъ себя, и ближайшіе потомки его не жили на Синаѣ, а потому некому было сохранить и преданія о немъ и о женѣ его: внукъ же Исава, какъ видно

изъ Св. Писанія, былъ одинъ изъ первыхъ Амлюфовъ, т. е. начальниковъ Едомскаго племени, древле владѣвшаго Синаемъ. Когда жена его скончалась въ помянутомъ мѣстѣ, вѣроятно, на пути въ Египетъ, или оттуда; память о ней, какъ о супругѣ известнаго родоначальника, сохранилась въ потомствѣ — тѣмъ вѣрнѣе, что Едомляне весьма долго обитали на Синаѣ. Внуча Исава, Эла, по свидѣтельству Арабскаго писателя Макризи, основала тамъ городъ Элу въ самомъ углу восточнаго залива Краснаго моря. Мадіамляне, потомки Мадіана, сына Хеттуры второй жены Авраама, и единоплеменники Едомлянъ, укрывавшіе у себя Моисея, занимали восточную часть Синайскаго полуострова. Городъ Эла и ближайшая къ нему торговая пристань Асіонъ-Гаверь находились во власти Едомлянъ во время переселенія Израильтянъ изъ Египта въ Палестину. (Второзак. 2, 8.) Мадіамляне пережили всѣ прочія племена на Синаѣ. Около 600 года по рождествѣ Христовѣ ихъ видѣлъ въ тамошнемъ городѣ Фаранѣ Блаженный Антонинъ *). Отъ нихъ перешло преданіе о Ѳеманѣ и о женѣ его къ предкамъ нынѣшнихъ Бедуиновъ Синайскихъ, переселившихся сюда изъ Гжаса — этой древней области Мадіамлянъ. Простота, и такъ сказать, семейность сего преданія безъ всякихъ прикрасъ, наименованіе Ѳемана Рейсомъ, т. е. главою,

*) Itinerarium beati Antonini Martyris.

родоначальникомъ, безъ подробностей его жизни, почтеніе къ памяти его жены, заставляютъ думать, что нынѣшніе скитальцы на Синаѣ рассказываютъ путешественникамъ событіе чрезвычайно древнее. Эти мысли въ такой послѣдовательности возникли во мнѣ у могилы прапавтери племени Едомскаго; и я благоговѣнно почтилъ ея память. Въ святой землѣ находятся погребальныя пещеры Сарры, Ревекки, Ліи и Рахили, а здѣсь одиноко стоятъ могильный холмикъ ихъ ближайшей родственницы, которой имя вѣдаетъ одинъ Богъ.

Отъ Атала до Уади Тайбе дорога пролегаетъ чрезъ мѣстность, перепутанную многими мелкими юдолями. Посему Арабы называютъ ее Шѣбаки, что значитъ, сѣть. Въ теченіи полутора часа поѣздъ мой тянулся по этому скучному мѣсту.

Въ верховьяхъ Уади Тайбе раздѣляются двѣ дороги въ Синайскій монастырь. Одна, налѣво, пролегаетъ по наклонной выси, ближе къ Ет-Тихскому хребту и къ песчаной пустынѣ, разстилающейся у подошвы его; другая, направо, склоняется къ Черному морю чрезъ Тайбскую долину и поморіемъ ведетъ до городка Раиѳы и далѣе, а чрезъ внутреннія горы до развалинъ Фарана и самаго монастыря. Первая не много короче второй. Но на обѣихъ есть предметы достойные вниманія любознательнаго богомольца; посему я рѣшился проѣхать въ св. обитель верхнею дорогою, а воротиться нижнею, и пе-

рекрестясь пошagalъ налѣво отъ Тайбе въ Уади Оммаръ, въ пріятной надеждѣ видѣть таинственныя развалины на горѣ Зарбутъ ел-Хадемъ.

Оммарская долина широка и вдоль обставлена высокими и крутоярыми скалами известковой породы. Послѣ трехчасоваго пути по ней огибаешь юговосточный, крутолобый уголъ горы Зарбутъ-Оммаръ, у самой подошвы ея. Эта высокая гора съ остроконечнымъ верхомъ, похожимъ на колоколенку, издали видна заранѣе. Если не измѣняетъ мнѣ память; то ее называютъ такъ же Ел-Джамаль, т. е. верблюды, по причинѣ острой вершины, которая Бедуинамъ кажется верблюжьимъ горбомъ. За угломъ Зарбутъ-Оммара опять тянется та же долина, но болѣе въ восточномъ направленіи. Здѣсь въ первый разъ встрѣчаются, направо отъ дороги, каменопесчаниковыя скалы, налѣво же высится хребетъ по большей части известковый. Видно, что силы природы тутъ пользовались разными матеріалами подземными, и работали одна другой крѣпче. Продолжая путь между разгоряченными скалами еще два часа, я утомился и потому пожелалъ расположиться на ночлегъ у выхода изъ Уади Оммаръ, гдѣ ея скалы почти оканчиваются съ обѣихъ сторонъ. Но переводчикъ, монахи и Бедуины уговорили меня проѣхать до источника сладкой воды въ Уади-Насбъ. Общая воля увлекаетъ человѣка, какъ сильное теченіе уносить судно. Я повиновался. Въ пути минулъ

еще часъ съ небольшимъ. Тогда силы мои изнемогли; и я приказалъ остановиться въ песчаномъ околоткѣ, который называютъ Дѣббетъ Эн-Насбъ. Напрасно переводчикъ пугалъ меня змѣями, водящимися тутъ въ песокъ; напрасно проводники мои роптали и уговаривали меня подвинуться далѣе, обѣщая мнѣ тѣнь и воду. Воля моя была непреклонна. Переводчикъ отыскалъ мѣстечко, усыпанное камешками, и на немъ водрузилъ мою кушу. А Синайскіе старцы уѣхали къ источнику, до котораго было не близко. Съ ними отправился за водою одинъ изъ проводниковъ моихъ на облегченномъ верблюды, и привезъ ее въ мой станъ въ бочкѣ.

Въ Уади Оммаръ, кромѣ маннъ, растутъ акации, съ которыхъ Арабы собираютъ древесный клей (Gummi Arabicum) для продажи.

27, Пятница.

Часа за два до восхода солнца я пробудился и велѣлъ выючить верблюдовъ, желая пораньше осмотрѣть подробно развалины Зарбутъ Ел-Хадема. Арабы живо и скоро исполнили свое дѣло; и поѣздъ мой двинулся по прямой дорогѣ въ Уади Энъ-Насбъ въ юговосточномъ направленіи. Идя за нимъ, я рас-

спрашивалъ проводниковъ объ этой долинь и ея окрестностяхъ.

— Что значить названіе, Энъ-Насбъ?

— Собраніе водъ.

— Стало быть, здѣсь много источниковъ?

— Есть три налѣво отъ нашей дороги, тамъ, выше къ Ет-Тиху. (Показываютъ рукою).

— Далеко отъ насъ?

— Часа въ два поспѣете туда.

— Какъ они называются, и какова въ нихъ вода?

— Мы называемъ ихъ, Ель-Мальхъ, а вода въ нихъ такая же, какъ и вездѣ. (Соленовата, подумалъ я).

— Кромѣ ихъ есть ли здѣсь другіе родники?

— Есть: впереди, Энъ-Насбъ съ хорошею водою; по выходѣ изъ Насбійской долины къ морю — Энъ-Морка, и недалеко отъ сего ключа. — запасъ дождевой воды въ Уади Дафари.

— А хороша Насбійская долина?

— Рай! Фивиковъ, мавнъ, акацій и корму для верблюдовъ и козъ довольно. Когда идутъ дожди; тогда изъ всѣхъ сосѣднихъ долинь текутъ въ нее воды, и рѣкою стремятся по ней къ морю. (Тутъ я лучше понялъ, почему эта долина названа собраніемъ водъ, и продолжалъ спрашивать).

— Устье Уади Насбъ такъ ли близко подходитъ къ морю, какъ устье Уади Тайбе?

— Ля-ля-ля, т. е. ни, ви, ви! Между нимъ и моремъ пролегаетъ равнина.

— Велика она и кормна?

— У-у-у! Отвѣчали Арабы протяжно, выпучивъ

глаза, отдувъ губы, приподнявъ пальцы и сгустивъ ихъ въ видѣ палатки. Этимъ они давали знать, что равнина обширна и способна для перекочеванія.

— Растутъ ли на ней деревья?

— Растутъ однѣ мархи. (Густые и низкіе кустарники съ предлинными иглами вмѣсто листьевъ; по Славянски, смѣрчіе).

— А какое племя ваше кочуетъ здѣсь?

— Алейкаты. (Это названіе напомнило мнѣ Библейскихъ Амалекитовъ, съ которыми Евреи сражались на Синаѣ).

— Много ихъ!

Столько, сколько звѣздъ видно ночью изъ глубины этой долины; отвѣчалъ одинъ Алейкаты, улыбаясь.

— Мнѣ любъ былъ замысловатый отвѣтъ его.

Я пересталъ спрашивать проводниковъ своихъ, потому что съ восходомъ солнца во мнѣ снова засвѣтилась мысль о Библейскомъ Элимѣ, въ которомъ Израильтяне становали на пути къ Синайской горѣ. «Въ Уади Насбъ, — думалъ я, — находятся шесть источниковъ и финиковыя сады; въ сосѣднихъ же долинахъ, Тайбе, Аталъ, Усейтъ и Гарендель, существуютъ другіе шесть: итого двѣнадцать. Итакъ, по всей вѣроятности, околотокъ, заключающійся между Гаренделемъ и Эн-Насбомъ, включительно съ сими двумя долинами, есть древній Элимъ. Протяженіе его весьма велико. Тутъ, у двѣнадцати источниковъ, при не скудныхъ пажитяхъ, подъ

тѣнію разныхъ деревъ, было раздолье для сего народа, который уходилъ далѣе. Изъ Элима Евреи спустились къ морю. И это обстоятельство побуждаетъ искать сей мѣстности въ нагорныхъ долинахъ, начиная отъ Гаренделя до Тайбе и Эн-Насба, кои ведутъ прямо къ морю.» Такія думы улаждали мою душу. Я радовался тому, что находился на пути народа Божія къ Синаю. *)

У источника Энъ Насбъ меня посадили на верблюда. Оттуда поѣздъ мой скоро вошелъ въ Уади Свукъ, которая тянется вдоль Эт-Тихскаго хребта съ востока на западъ и впадаетъ въ долину Насбійскую, а не въ море. Эта Уади широка и песчана. Достигнувъ до поворота направо къ таинственному Зарбутъ-Хадему, я взялъ съ собою переводчика и трехъ вооруженныхъ проводниковъ, а прочимъ велѣлъ ѣхать далѣе, наказавъ имъ остановиться на ночлегъ въ Уади Сѣи.

Какъ только мы перешли чрезъ песчаную при-
высь въ направленіи къ западу, намъ представилась узкая и длинноватая котловина. Арабы повели насъ по ней вдоль. На лѣвой сторонѣ ея горы, разрозненные ущеліями, гораздо ниже Зарбутъ ел-Хадема, который справа окаймляетъ котловину. Эта гора съ ея ущеліями, выемами, отвѣсами и островершіями,

*) Такъ какъ Израильтяне изъ Уади Насбъ спустились къ морю и другою дорогою прошли къ Синаю, то я прекращаю здѣсь замѣчанія и сужденія свои о дальнѣйшемъ ихъ шествіи.

казалась исполинскимъ укрѣпленіемъ. Въ ней, у самаго устья котловины, пріосѣянного деревьями, есть широкое ущеліе съ скалистыми стѣнами по обѣимъ сторонамъ его. Въ глуби сего ущелія видѣнъ отвѣсный обрывъ, съ котораго въ дождливое время стремится водопадъ. Нѣсколько кустарниковъ, акацій и зеленыхъ кочекъ уменьшаютъ суровость вида, какую придаетъ сему мѣсту дикій цвѣтъ горныхъ скалъ.

Когда проводники подвели меня къ углу горы, врѣзавшемуся въ котловину низменнымъ, но обрывистымъ отрогомъ; я сперва полюбовался, въ сосѣднемъ углубленіи скалы, розовыми и бѣлыми слоями, наложенными Творцемъ одинъ на другой; потомъ освѣдомился, естли съ нами вода (ею запаслись), и съ животрепещущею радостію, какая обыкновенно чувствуется у преддверія таинственнаго предмета, имѣющаго тотчасъ открыться, полѣзъ на обрывистый отрогъ, какъ ретивый воинъ на крѣпость, вскарабкался туда кое-какъ, и бодренно началъ подниматься на гору по стропотной стезѣ, обозначенной по мѣстамъ кучками камней. Любознательность души, любящей *помянуть дни древніе*, не вѣдаетъ опасности и не чувствуетъ труда и усталости. Она есть сила, уравновѣшивающая наше тѣло и придающая ему гибкость, ловкость и легкость. Минуть чрезъ сорокъ я очутился на горномъ отрогѣ не такъ-то покатомъ. Оттуда стезя болѣе ровная ведетъ по узкому хребту

горы, стѣсненному съ одной стороны широкимъ ложемъ дождевыхъ водъ, а съ другой островерхими скалами, кои господствуютъ надъ долиною. Наконецъ кругъ зрѣнія расширился; и я увидѣлъ какъ бы надгробные памятники; которые стоятъ около развалинъ, какъ нѣкіе призраки, на мѣстѣ самомъ угрюмомъ. Сердце мое отъ радости забилось сильнѣе: а въ глазахъ я ощутилъ двойной приливъ свѣта. Съ перваго взгляда стоячіе камни, обтесанные въ видѣ Египетскихъ обелисковъ, однако съ закругленными вершинами, и водруженные въ такой пустынь, какова Синайская, гдѣ не чаешь и тѣни искусствъ изящныхъ, эти камни изумляютъ мысль своею особенною постановкою и таинственностію. Изумленіе возрастаетъ, когда приближаешься къ самымъ развалинамъ, ходишь среди ихъ и видишь въ пустынь зодчество Египтянъ особеннаго вида, съ іероглифами, зодчество, которое лишь ими было придумано и любимо, и которое показываетъ ихъ неутомимое терпѣніе при ломкѣ, тесаніи, выглаживаніи, постановкѣ и кладкѣ камней, ихъ страсть къ священнымъ изваяніямъ и надписямъ, ихъ народность и вѣру. Я внимательно и подробно осмотрѣлъ Хадемскія развалины и начертилъ ихъ планъ на мѣстѣ *).

*) Смотри сей планъ въ числѣ видовъ Синайскихъ.

Эти остатки сѣдой древности находятся въ ровной ложбинѣ на темени горы. Главную часть ихъ составляетъ храмъ съ невысокими обелисками въ срединѣ и за стѣнами его. Онъ узокъ, но длиненъ. *) Лѣвая стѣна его разрушена до основанія и тутъ же разметана нестройными грудями, а правая съ поперечнымъ простѣнкомъ у самаго входа въ храмъ пощажена, но не вся: лишь на нѣсколько четвертей она возвышается надъ уровнемъ земли, индѣ ниже, индѣ выше. Это святилище раздѣлено было на три части. Въ первой отъ входа, длинной, молился на-

*) Около 30 шаговъ въ ширину и 70 въ длину.
Первое Путеш.

родъ, подъ открытымъ небомъ, между двумя рядами обелисковъ и тонкихъ колоннъ съ изсѣченною на нихъ головою богини Изиды. Во второй, малой и отгороженной особыми простѣнками съ двумя дверями, такъ же среди двойныхъ обелисковъ, стоялъ жертвенникъ. На передней стѣнѣ сей внутренней части храма уцѣлѣли іероглифы и изваянные лики боговъ. Третіе отдѣленіе назначено было для хранения священныхъ сосудовъ. Оно почти совсѣмъ разрушено, кромѣ одного приземистаго куска правой стѣны. Далѣе впрямь, за симъ отдѣленіемъ находится нѣсколько низкихъ погребальныхъ пещеръ, изсѣченныхъ въ цѣльной песчаниковой скалѣ. Онѣ повреждены, кромѣ одной въ правой сторонѣ, выдающейся за линію храмовой стѣны. Сія малая пещера, которую я обозрѣвалъ согнувшись, четверугольна. Плоскій потолокъ ея поддерживается четверограннымъ столбомъ, изсѣченнымъ изъ скалы вмѣстѣ со всею усыпальницею. Въ ней нѣтъ ни мертвеннаго ложа, ни особаго гроба. Но устройствомъ своимъ она совершенно походитъ на погребальныя комнаты, какія я видѣлъ въ верхнемъ Египтѣ. Судя по этому сходству думаю, что она была облицована штучными камнями, на коихъ были изваяны боги и письма іероглифическія. Жаль этой утраты. Ибо надписи могли бы пояснить загадку: кто тутъ погребенъ былъ и когда?

За внѣшними стѣнами храма, весьма близко отъ

нихъ, находится нѣскольکو обелисковъ: за правую стѣною два, а за лѣвою пять. Внутри же святилища, загроможденнаго обломками, уцѣлѣли четыре обелиска у входа, двѣ колонночки и одинъ обелискъ налѣво близъ двери, ведущей въ жертвенное отдѣленіе, два обелиска внутри сего отдѣленія, и одинъ направо подлѣ усыпальницы: всего пятнадцать обелисковъ и двѣ маленькія колонны. Одни изъ этихъ памятниковъ стоятъ на своихъ мѣстахъ, а другіе повержены на землю. Всѣ обелиски, изсѣченные изъ мѣстнаго, твердаго и густаго песчаника въ видѣ толстой, длинной и широковатой доски съ закругленнымъ верхомъ, исписаны Египетскими іероглифами и украшены изваяніями, но съ одной стороны. На нѣкоторыхъ изъ нихъ видны вверху два символическіе змѣя у окрыленнаго шара, подъ ними боги, ниже — священныя письма, и еще ниже — жрецы, приносящіе жертву. Колонны же увѣнчаны четверосторонними наглавіями (капителями.) На каждой сторонѣ ихъ изваянъ ликъ богини Изиды съ удлинненными глазами, въ родѣ миндальнаго орѣха, и съ коровьими ушами. Всѣ изваянія и письма сохранились довольно хорошо, несмотря на то, что памятники, сдѣланные изъ песчаника и поставленные на высокой горѣ, подвержены были всѣмъ непогодамъ въ теченіи тысячелѣтій. Синайское жаркое солнце, чистота и тонкость тамошняго воздуха, способствовали сохраненію ихъ.

Говоря о внутреннемъ расположеніи Хадемскаго храма, я замѣтилъ, что переднее отдѣленіе его назначено было для народа, среднее для жертвоприношенія, хотя въ немъ нѣтъ и слѣдовъ жертвенника, остальное же для жрецовъ. Вѣрность сего замѣчанія подтверждается тѣмъ, что это святилище расположеніемъ своимъ походить на древнѣйшій храмъ въ Карнакѣ, въ которомъ я видѣлъ, при входѣ въ въ него, лѣсъ изъ огромныхъ колоннъ для стоянія народа, въ срединѣ жертвенникъ у высочайшаго обелиска, и далѣе — горницы для жрецовъ, облицованныя прекрасными изваяніями и іероглифами.

Близъ Хадемскаго храма есть нѣсколько ямъ и насыпей, въ копхъ попадаются куски желѣза и выгарки мѣди. Я взялъ на память уродливый кусокъ ея накіша. Видно, тутъ разрабатывались эти металлы. Обстоятельство важное! Оно служитъ къ поясненію загадочнаго существованія святилища на горѣ Зарбутской.

Осмотрѣвъ развалины, я сѣлъ на камень лицомъ къ отдаленному обелиску, который одиноко стоялъ на холмѣ, и озаренный яркимъ свѣтомъ въ тонкомъ воздухѣ горномъ казался призракомъ. Во мнѣ горѣло желаніе узнать судьбу и назначеніе Хадемскихъ памятниковъ. Не понимая начертанныхъ на нихъ іероглифовъ, я развернулъ описаніе Египта, составленное знатокомъ этихъ письменъ Шамполиономъ Фигакомъ, и прочиталъ тѣ мѣста, гдѣ онъ гово-

рить о сихъ памятникахъ, По его словамъ, Египетскіе Фараоны 16, 17, 18 и 19 династій владѣли Синайскимъ полуостровомъ съ 2270 по 1279 годъ до рождества Христова; и въ честь нѣкоторыхъ изъ нихъ, именно, Осортазена I, Аменемжона III, Меннефты I и Рамсеса VI, воздвигнуты были обелиски около капища на Хадемской горѣ. Такое скудное сказаніе не удовлетворяло моего любопытства. Хотѣлось знать: по какому поводу Египтяне построили храмъ на Ель-Хадемѣ, что тутъ дѣлали, и съ какою цѣлю ставили обелиски? Въ умѣ возникали разныя соображенія. Сначала я предполагалъ, что гора Ель-Хадемъ въ мнѣніи Египтянъ искони была мѣстомъ заветнымъ и священнымъ по воспоминанію, или объ изобрѣтеніи тутъ письменъ, или о полученіи оттуда вѣры и законы, или о погребеніи тамъ какого-либо досточтимаго лица, и что нѣкоторые Фараоны ходили туда на поклоненіе и въ память своего набожнаго странствія ставили обелиски около тамошняго капища. Но это предположеніе, какъ оно ни казисто, и какъ я ни желалъ подкрѣпить его тѣмъ, что ежели Египтянамъ не показалась странною просьба Моисея отпустить Израильтянъ къ одной горѣ для принесенія тамъ жертвъ Іеговѣ, значить у нихъ самихъ было обыкновеніе совершать подобныя набожныя путешествія, это предположеніе отвергнуто было мною, какъ не имѣющее никакого историческаго основанія. Находясь въ недоумѣніи, я вертѣлъ

въ рукахъ мѣстный кусокъ желѣза, или мѣди, похожій на зрѣлый гроздь винограда; и онъ подалъ мнѣ поводъ рѣшить задачу весьма просто. Видно было, что Египтяне водворились на Хадемской горѣ, потому что въ окрестностяхъ ея нашли желѣзные и мѣдныя руды. Обиліе металловъ и гранитнаго и порфиороваго камня, коихъ нѣтъ въ Нильской долины, заставило ихъ держаться на этомъ пограничномъ мѣстѣ. Фараоны построили тутъ храмъ для рабочихъ людей и ихъ приставниковъ, посвятивъ его, вѣроятно, богинѣ Изидѣ, ликъ которой понынѣ видѣнъ на капителяхъ мѣстныхъ колоннъ. Приставники по доброй волѣ, или по предписанію правительства, ставили около своего храма обелиски въ честь своихъ государей, а за нимъ въ погребальныхъ пещерахъ полагали муміи. Постановка памятниковъ на Ель-Хадемѣ прекратилась послѣ 1279 года до рождества Христова при двадцатой династии Фараоновъ, вѣроятно, потому что тутъ истощились мѣдныя руды, и потому что при этой династии Египтяне были слабы отъ внутреннихъ раздоровъ, а Синаемъ овладѣли сперва Идумеи, потомъ Евреи и Финикіяне при Соломонѣ и Хирамѣ. Къ этому времени (за 1050 лѣтъ до Р. Х.) можно относить раззореніе Хадемскаго храма Египтянъ, какъ нетерпимаго Евреями. Покрайнѣй мѣрѣ извѣстно то, что онъ уже не существовалъ въ два послѣдніе вѣка до рождества Христова. Ибо о немъ ничего

не говорятъ не только Стравонъ и Птоломей, но и Артемидоръ и Агаѳархидъ *) въ своихъ замѣткахъ о Синаѣ.

Послѣ такихъ воспоминаній и соображеній я еще разъ осмотрѣлъ маститыя развалины съ бѣльшимъ вниманіемъ, и прежнимъ путемъ воротился въ долину Свукъ, гдѣ поджидали меня погонщики нашихъ верблюдовъ. Не забываю сказать, что на обратномъ пути замѣчены были мною на Хадемской горѣ искусственные жолобки для стока дождевой воды. Когда Бедуины усадили меня на горбуна моего; мнѣ вздумалось распросить ихъ о Хадемскихъ памятникахъ.

— Благородные Бедауи! Скажите: что такое было на горѣ Зарбутъ Ель-Хадемъ?

— Одинъ изъ нихъ, побойчѣ другихъ, необычайно отвѣчалъ: тамъ погребена была Франкская царица.

— Кто тебѣ сказалъ это?

— Самъ я такъ думаю.

— Почему же ты такъ думаешь?

— Потому что только вы, Франки, ѣздите туда на поклоненіе. Стало быть, тамъ погребена ваша царица.

Полагая, что этотъ проводникъ шутить со мною, я подозвалъ къ себѣ другаго и упросилъ его пересказать мнѣ преданіе, или толкъ мѣстныхъ Бедуиновъ о видѣнныхъ развалинахъ. Онъ повѣдалъ

*) Онъ жилъ за 120 лѣтъ до Р. Х.

вотъ что: «въ старыя времена на Ель-Хадемъ были закодванные золотые ворота; царямъ хотѣлось взять ихъ себѣ, но они не давались. Рѣшено было принести въ жертву нѣсколько служителей (Хадемъ), чтобы умилостивить Аллаха и овладѣть сокровищемъ. Аллахъ умилостивился жертвами; и золотые ворота достались царямъ.» — Выслушавъ эту маленькую повѣсть, я отдѣлилъ сказочную оболочку ея отъ сущности; и мнѣ ясно было, что на Синаѣ уцѣлѣло глухое преданіе о разработкѣ металловъ на Ель-Хадемъ въ древнѣйшія времена; ясно было и то, что тутъ работали ссылочныя преступники, и что туземные скитальцы видѣли въ нихъ жертвы корысти общественной, и по нимъ назвали это мѣсто Зарбутъ Ель-Хадемъ, что значитъ: возвышенность служительская, рабочая.

Пока я разговаривалъ съ Бедуинами и размышлялъ о превратности судьбы людей и ихъ понятій, преданій и памятниковъ; поѣздъ мой приблизился къ крутой и дикой тѣснинѣ въ концѣ долины Свукъ и началъ подниматься по ней. Тутъ въ скалахъ видны слои зеленого камня.

За этою тѣсниною непосредственно начинается долина Хамле и въ прямомъ направленіи протягается отъ запада къ юговостоку. Мы въѣхали въ нее. Она съ обѣихъ сторонъ сплошь обставлена нагими холмами песчаниковаго свойства. Почти въ началѣ ея на скалахъ изсѣчены такъ называемыя

Синайскія надписи и между ними безобразныя очерки верблюдовъ и сернѣ. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ эти таинственные рѣзы и черты, и подивился имъ, незная, какіе люди, когда и по какому побужденію сдѣлали ихъ. Жалѣю, что не было у меня охоты отподобить ихъ. Первая новизна, первая диковица должна бы занять первое мѣсто въ описаніи путешествія. Но кто не дѣлаеть промаховъ? Въ другой разъ буду исправнѣе, а теперь спѣшу замѣтить, что песчаная и безводная Уади Хамле наполнена кустарниками и, широкая въ началѣ, постепенно суживается и становится глубже.

Изъ нея мы поднялись на малую равнину. Тутъ находится кладбище окрестныхъ Бедуиновъ. Могилы ихъ прикрыты обломками камней. На этомъ мѣстѣ вѣчнаго покоя скитальцевъ было такъ тихо, что я слышалъ собственное дыханіе, которое отъ меня приметъ Тотъ, кто вдунулъ въ челоуѣка дыханіе жизни.

Оттуда чрезъ полчаса мы прибыли въ Уади-Сѣн и расположились въ ней ночевать. Эта долина облицована уже не песчаниковыми, а зелеными и порфировыми скалами и холмами.

28, Суббота.

Съ разсвѣтомъ поѣздъ мой двинулся съ ночлега и скоро вошелъ въ долину Барагъ. Она тѣсна. По

объимъ сторонамъ ея высятся разнообразныя толщи гранита и порфира, исполосованныя слоями зеленого камня. Русло ея покрыто отвалами отъ сосѣднихъ высотъ. Даже по дорогѣ валяются обломки гранита. Видно было, что тутъ горы нѣкогда были сотрясаемы весьма сильно. Вся эта долина наполнена высокими мелколиственными акаціями. Съ нихъ Бедуины собираютъ камедь Аравійскую. Спусти два часа ѣзды по Барагу мы подошли къ пролому въ искусственной, приземистой стѣнѣ, которая когда-то преграждала какъ эту долину, такъ и склоны холмовъ ея. Я спросилъ переводчика: что такое тутъ было; и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее происшествіе:

«Издавна только Синайскіе Бедуины имѣли право перевозить купеческіе товары изъ Суэса въ Каиръ. Но купцы по расчетливости своей начали дешевле нанимать, вмѣсто ихъ, Бедуиновъ изъ племени Маазе и Хаэтатъ. Тѣ обидились, потому что теряли насущный хлѣбъ, и въ отмщеніе вооружились и ограбили большой караванъ съ кофеемъ и другими товарами между Суэсомъ и Каиромъ, да и верблюдовъ увели въ свои горы. Купцы пожаловались на нихъ Мегмету-Али пашѣ. Этотъ потребовалъ отъ хищниковъ всей добычи. Но они, частію потребивъ, частію распродавъ ее, отвѣчали ему: «мы были голодны, и потому все съѣли.» Тогда паша послалъ три тысячи солдатъ для вразумленія непокорныхъ.

Бедуины, узнавъ объ этомъ, всѣ собрались здѣсь и наскоро построили эту стѣну для своей защиты. Но солдаты раздѣлились на три дружины, изъ коихъ одна выстроилась противъ нихъ въ руслѣ долины, а двѣ взшли на сосѣдніе холмы и напали на нихъ сзади и съ боковъ. Арабы, не предвидѣвшіе такого движенія военнаго отряда, послѣ немногихъ выстрѣловъ отступили. Отрядъ преслѣдовалъ ихъ до Синайскаго монастыря; и дѣло кончилось тѣмъ, что главный Шехъ (старѣйшина) бунтовщиковъ сдался; и они принуждены были заплатить нѣсколько тысячъ піастровъ. Это случилось въ 1823 году.»

Жаль мнѣ было бѣдныхъ скитальцовъ, а болѣе пожалѣлъ я о томъ, что въ лодяхъ есть страшные грѣхи, скупость, самоуправство и мщеніе, кои не остаются безъ наказанія.

Отъ стѣны до конца Уади Барагъ мы ѣхали болѣе часа, и прошагавъ по устью впадающей въ нее съ сѣвера долины Кіне, въ верховья которой есть родникъ сладкой воды, вошли въ Уади Ель-Лябуэ. Длинна — эта долина. Въ ней нѣтъ деревьевъ и кустарниковъ; но за то она богата пажитію для верблюдовъ и козъ.

Когда поѣздъ мой перешелъ изъ нея по устью боковой долины Ретайме *) въ не короткую Уади Барахъ: меня заняли особенности этой дебри. Тутъ гранитные и порфиновые холмы, составленные изъ крупнаго и грубаго зерна, изщепаны; и въ нихъ широкіе и узкіе пласты цвѣта зеленаго и чернаго стелются вверхъ и внизъ и поперекъ, то порознь, то слитно, и на вершинахъ кажутся гребнями, а на бокахъ и склонахъ — стѣнками. Изумительна сила, вмѣстившая въ гранитъ такой разноцвѣтный растворъ каменистаго вещества, и въ такихъ видахъ и направленіяхъ! Было время, когда на Синаѣ работалъ подземный огонь и курился дымъ.

Въ красивую долину Барахъ съ сѣвера впадаетъ Уади Лешъ. Когда мы приблизились къ устью ея;

*) Въ ней есть источникъ сладкой воды.

проводники повѣдали мнѣ, что въ ея верховьяхъ находится источникъ сладкой воды, а переводчикъ указалъ направо отъ дороги древнее кладбище и примолвилъ, что тутъ погребены Франки. Это подтвердили и Бедуины. Напрасно я допрашивалъ ихъ: кто эти Франки? Когда и какъ они зашли сюда, и по какому случаю похоронены тутъ? Они ничего не знали о нихъ. Простота ихъ преданія безъ всякихъ прикрасъ и диковинныхъ вымысловъ ручалась за древность и вѣрность его; и я подумалъ, что вѣроятно Иерусалимскій король Балдуинъ 1-й съ своими крестоносцами изъ Акабы доходилъ до сего мѣста, и гдѣ нибудь вблизи сражался съ Египетскими мусульманами, и что убитые воины его погребены въ устьѣ Леша. *) На Франкскомъ кладбищѣ нѣтъ ни одного памятника; и оно уже заматано пескомъ и поросло пустыннымъ быліемъ. «Вѣчная память вамъ, ратники креста!» сказалъ я, и окинувъ взоромъ просторную окрестность, увидѣлъ въ перед-

*) Въ послѣдствіи я узналъ изъ одной не печатной лѣтописи Арабской, которой списокъ хранится въ моей библіотекѣ, что этотъ король дѣйствительно предпринималъ походъ изъ Акабы въ Синайскій городъ Фаранъ въ 1117 году, и взявъ его приступомъ, оставилъ въ немъ военную стражу. Поелику Фаранъ отстоитъ отъ Леша верстъ на тридцать; то немудрено, что въ близи этой долины происходила битва между крестоносцами и мусульманами. Воспоминаніе о ней утратилось; но кладбище Франковъ служитъ неоспоримымъ доказательствомъ сего кроваваго событія.

ней дали гору Зербаль. Ничѣмъ незаслоненная, она предъ мною возвышалась къ небесамъ и, казалось, подпирала ихъ своими пирамидальными вершинами. Исполинское величіе ея поразило меня. Не умѣю передать перомъ этого величія. Высокое и прекрасное лучше созерцается, нежели описывается. Чѣмъ болѣе я смотрѣлъ на эту великолѣпную гору, чѣмъ болѣе восхищался ея громадностію, багряною цвѣтностію подъ яркимъ освѣщеніемъ солнца, смѣлою постановкою множества вершинъ ея, изъ коихъ пять казались пирамидами, а прочіе столпами и утесами; чѣмъ болѣе любовался ея ращепами и ребрами, уступами и выступами, разсѣлинами и стоками водъ дождевыхъ, чистѣйшимъ сине-лазуревымъ небомъ надъ нею, и взволнованнымъ моремъ песчанымъ предъ нею: тѣмъ болѣе изумлялся всемогуществу премудраго Творца, и исполненный благоговѣнія къ Нему обнажилъ свою голову, и въ сладкомъ умиленіи души воскликнулъ: «дивна дѣла твоя, Господи! дивно свѣтиши отъ горъ вѣчныхъ!»

Духовное веселіе отъ видѣнія предмета высокаго и велелѣпнаго продолжалось на всемъ пути отъ Леша до смѣжной Уади Ель-Ахдаръ. Ибо воображеніе мое отражало въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, ненаглядную гору, и душа моя видѣла ее внутри себя въ томъ же величіи и убранствѣ, въ какомъ она чудно рисовалась въ маломъ зрачкѣ моего глаза. Въ Ель-Ахдарѣ восторгъ мой возобновился, когда тутъ

Зербаль еще разъ открылся во всемъ своемъ величіи. Смотрю и не насмотрюсь на него. Любуюсь и не налюбуюсь имъ. Это красота очей благолѣпнѣйшая. Это художная мысль Всемогущаго. Это проповѣдь о Богѣ въ возвышенномъ слогѣ.

Изъ Ель-Ахдара поѣздъ мой перешелъ въ узкую, дикую, и печальную Уади Солѣфъ, а оттуда въ обширную долину Шехъ, и въ началѣ ея расположился ночевать. Было уже поздно. Я утомился на длинномъ пути.

29, Воскресенье.

Раннимъ утромъ мой таборъ снялся съ ночлега. Когда первые лучи весенняго солнца озарили Уади Шехъ, я возгласилъ: слава тебѣ показавшему намъ свѣтъ! и началъ тихо пѣть славословіе. Послѣ молитвеннаго возношенія духа къ Богу, надежда увидѣть скоро Богошественный Синай возвеселила мое сердце. Подъ вліяніемъ этого сладчайшаго чувства я любовался всемъ, что примѣчалъ на пути. Чистѣйшая синева неба чаровала мои очи, и при видѣ ея громко говорило во мнѣ Слово Божіе: «не имать внити туда всяко скверно.» (Апокалипс. 21, 27) Прелестныя группы манновыхъ деревъ, ихъ нѣжная зелень, ихъ кудрявая густота, ихъ тонкія вѣтви багрянаго цвѣта, одѣтыя мельчайшимъ хвоемъ

снизу до верху, ихъ многочисленные стволы, отпрыскивающиеся въ ширь и въ высь, и стелющиеся по крупному песку, ихъ молодые побѣги изъ этихъ живыхъ настплогъ, ихъ шумъ, ихъ тѣнь, подъ ними узорчатая ткань изъ свѣта и оттѣнковъ игольчатого хвоя, а среди ихъ качаніе солнечныхъ лучей на лозочкахъ тончайшихъ, и сопроницаніе золотистаго блеска съ зеленымъ отливомъ, тѣшили, радовали и чаровали меня такъ, что я чувствовалъ възыграніе всего существа моего, и благодарилъ Бога, сподобившаго меня видѣть *вся красная пустыни*.

Долина, по которой мы ѣхали, называется Шехъ, т. е. главная, большая. Это названіе весьма прилично ей. Ибо она очень длинна, широка, чиста, кустиста и богата пажитію для верблюдовъ и козъ. Положеніе ея походитъ на дугу. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ она круто поворачиваетъ къ Синайской обители съ сѣвера на югъ, ее перерѣзываетъ горный хребетъ, прямолинейно простирающійся отъ запада къ востоку. Когда я приблизился къ этому хребту и окинулъ его взоромъ; его мрачность и суровость настроили мою душу къ ожиданію чего-то необыкновеннаго, грознаго и знаменательнаго. Смотрю впередъ и вижу: мои спутники и выючные верблюды поднимаются на одну привѣсь и теряются изъ виду въ гранитной горѣ, какъ будто она разступилась для нихъ и опять сомкнулась. Поднимаюсь и я: предо мною — ущеліе Рутайбе. Вхожу въ него и изум-

ляюсь; иду среди его и восхищаюсь; еще нѣсколько шаговъ и еще нѣсколько восторговъ; отступаю назадъ: ущеліе замыкается; подвигаюсь впередъ: оно раздвигается; смотрю на бока и на вершины его: онѣ чаруютъ меня своей постановкой и убранствомъ. Чудное ущеліе! Всемогуцій и премудрый Зодчій, сотворившій все по мѣрѣ, вѣсу и числу, поставилъ тутъ высочайшіе гранитные утесы, одни противъ другихъ, прямолинейно и косвенно, отвѣсно внизу и заломомъ къ вершинамъ, налѣво сомкнутыми столпами, направо сплошною стѣною, огранилъ ихъ личины въ видѣ пирамидъ, квадратовъ, тригольниковъ и крупной чешуи, размѣстивъ эти узоры стройными группами по склонамъ и скатамъ, на уступахъ и въ впадинахъ, и къ довершенію прелести придалъ имъ цвѣтъ темнобагряный съ лоскомъ стекла. Нарядное ущеліе! Изумительныя нерукотворенныя врата, кои ведутъ къ Синаю Богошественному! *)

За ними опять разстилается долина Шехъ и круто поворачиваетъ на югъ къ святой обители. Широкая, чистая, но безлѣсная и безводная, она обставлена высокими, гранитными горами, Эль-Фрейя, Ум-Лезъ, и св. Епистиміи. Эти горы освѣщены были солнцемъ такъ ярко, и надъ ними дрожжалъ такой ослѣпительный блескъ, а по нимъ волновался такой бѣлодымчатый жаръ, что казалось

*) Смотри Рутайбе въ числѣ видовъ Синаис.
Первое Путеш.

онѣ горѣли, но не сгарали. Любуясь этимъ явленіемъ природы, я думалъ, что нѣкій свѣтъ струится изъ земли, и что солнце движеть его волнообразно. Какъ бы то ни было, но вѣрно слово псалмопѣвца къ Богу: «дивно свѣтиши отъ горъ вѣчныхъ.» Среди свѣтолѣпныхъ высотъ и духъ мой возвышался и горѣлъ желаніемъ поклониться Богу у неопалимой Купины и на вершинѣ Синая, гдѣ изрѣчено Десято-словіе. Даже въ очахъ своихъ я чувствовалъ сугубый приливъ свѣта. Бду по долинѣ, и то радуюсь приближенію къ цѣли путешествія, то благодарю Всевышняго, такъ милостиво проведшаго меня по пустынямъ, то молю Его начертать въ моемъ сердцѣ святой законъ. Бду и вижу: впереди небольшой холмъ наполняетъ устье Уади Шехъ, и на темени его развѣвается бѣлое знамя. Приближаюсь, и усматриваю на этомъ знамени заглавныя буквы имени св. Екатерины. Понятно было, что Синайскіе отцы ожидали меня сего дня, и потому водрузили знамя своею обители на самомъ видномъ мѣстѣ. Такое привѣтствіе отъ лица великомученицы и дѣвы святой растворило грудь мою сладчайшими чувствами: умиленіемъ, смиреніемъ и благоговѣніемъ. Я спустился съ верблюда и пошелъ пѣшкомъ, но какъ только миновалъ скиніеобразный холмъ и увидѣлъ святую обитель и окрестность ея, пораженъ былъ величіемъ, красотою, размѣрами и волшебнымъ освѣщеніемъ сего мѣста, такъ что сталъ, какъ вкопан-

ный, и недоумѣвалъ, что вижу, — картину ли рисованную красками, образъ ли сдѣланный изъ мозаики въ необъятныхъ размѣрахъ, или велелѣпную природу. Всматриваюсь пристально въ предметъ изумительный. Предо мною на морѣ песчаномъ возвышаются къ небу гранитныя горы багрянаго цвѣта, Ед-Деръ, Хоривъ, Ель-Хамра, и противъ нихъ Ель-Фрейя и Губше, такъ что пять угловъ этихъ пяти горъ, одни противъ другихъ, окаймляютъ одну широко раскинутую межъ нихъ долину Рахійскую. И что это за горы? Дивные узоры! Хоривъ — усѣченная пирамида, Ель-Губше — кудрявая голова, Ель-Фрейя — чешуйная стѣна, Ель-Хамра и Деръ — огуствѣвшія волны съ красивыми всплесками; и все это покрыто синелазуревымъ небомъ и освѣщено хитро-художно, такъ что багряный отливъ весь прозолоченъ. Считаю долины и насчитываю пять: за собою Эш-Шехъ и Ес-Себайэ, предъ Хоривомъ Ер-Раху, между нимъ и Ед-Деромъ-Шуейбъ, и у Ель-Хамры Ель-Леджу. Пять долинъ межъ пяти великолѣпныхъ горъ — знаменательное мѣсто для откровенія десяти заповѣдей человѣческому роду! Понявъ это, я преклонилъ колѣна на святую землю и облобызалъ ее. Незнаю, что было горячѣе, — она ли, или лобзаніе моею вѣры. Незабвенная минута! Когда я всталъ и пошелъ къ монастырю по стропотной стезѣ, любуясь кипарисами, масличіями и гранатами въ смѣжномъ съ нимъ саду; оттуда увидѣли меня и на-

чали звонить во всё колокола и стрѣлять изъ пушекъ со стѣнъ. Оглушительное эхо раздавалось въ горахъ пріятно и страшно. Властные старцы и Дикей ихъ о. Никодимъ, весь бѣлый какъ лунь, поджидали меня у подъема въ монастырь и, когда я подошелъ къ нимъ, привѣтствовали по обычаю и предложили мнѣ войти въ св. обитель заднею калиткою. Я облобызалъ ихъ въ уста, непрестанно славословящія Бога, и поручилъ себя ихъ любви, а отъ предложенія ихъ отказался, изъявивъ желаніе подняться въ монастырь такъ, какъ поднимаются всё прочіе поклонники, и пройти прямо въ придѣлъ неопалимой Купины. Они воротились чрезъ садъ; а мнѣ со стѣны спустили толстую веревку съ запетлеваннымъ въ ней поленомъ. Перекрестившись, я сѣлъ на него; и меня начали поднимать тихо. Возношусь, упираясь ногами въ гранитную твердыню, и смотрю вверхъ. Надо мною какъ бы на воздухѣ виситъ деревянная будка съ широкимъ отверстіемъ внизу ея, и въ ней подъемная веревка ходитъ по блоку въ рычагѣ, утвержденномъ на стѣнѣ высоко и наклонно къ этому отверстию; но силы двигающей не видно. Когда меня подняли немного выше гребня стѣны и руками подтянули къ ней; я сталъ тутъ и увидѣлъ широкій и ровный помостъ на башнѣ подъ деревянною крышею, и среди его вѣротъ съ навитою подъемною веревкою, который въ видѣ шестерни водруженъ въ полъ и въ потолокъ и вертится на пя-

тахъ. Къ нему придѣланы деревянныя ручки, коими Арабы приводятъ въ движеніе шестерню, ходя кругомъ ея. Тутъ встрѣтилъ меня о. экономъ съ меньшею братіею, и повелъ въ соборную церковь по крутымъ и кривымъ лѣсенкамъ межъ безобразныхъ зданій, сплошь нагроможденныхъ безъ всякаго порядка. Какъ только я вошелъ въ эту церковь, пріятно пораженъ былъ ея отмѣннымъ благолѣпіемъ, свѣтлостію, чистотою и узорчатымъ помостомъ изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ. Старцы зашѣли: достойно есть, яко воистину, блажити тя богородицу и проч. Эта пѣснь на мѣстѣ, гдѣ неопалимая Купина образовала присноблаженную и пренепорочную дѣву и мать, безъ истлѣнія Бога Слова рождшую, была такъ пристойна и произвела во мнѣ такое умиленіе, что я прильнулъ устами къ образу честнѣйшей херувимъ и славнѣйшей серафимъ, и *милися* для молилъ ее воспламенить во мнѣ любовь ко всему истинному, доброхвальному, честному и полезному. Потомъ дикей и ризничій провели меня мимо главнаго алтаря въ придѣлъ апостола Іакова, брата господня, и тутъ предложили мнѣ скинуть мои сандалія. Я понялъ, что нахожусь близъ мѣста, гдѣ Моисей услышалъ глаголь Бога: «изуй сапогъ отъ ноги твоея: мѣсто бо, на немъ же ты стоиши, земля свята есть.» Душа моя исполнилась благоговѣнія. Проникнутый симъ чувствомъ, я, босой, вошелъ въ чертогъ, созданный на мѣстѣ явленія Бога Моисею

въ неопалимой Купинѣ, и преклонивъ колѣна предъ святою трапезою, водруженною надъ самымъ корнемъ этой купины, повергся долу и прильнулъ челомъ къ святому мѣсту.

Изъ чертога неопалимой Купины провели меня въ опрятную гостинницу, изъ которой видна вся Рахійская долина съ ея высотами прелестными подъ освѣщеніемъ очаровательнымъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

СВЯЩЕННЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ О СИНАѢ.

Синайскій полуостровъ положеніемъ своимъ образуетъ довольно правильный тригольникъ, коего острый уголъ на югъ упирается въ Черное море при самомъ раздѣленіи его на два рукава, Суэскій и Эланитскій, омывающіе западную и восточную стороны сего полуострова. Почти въ самомъ средоточіи его стоятъ группою величественныя горы: Зербаль, Банать, Синай-Хоривъ, св. Епистиміи, св. Екатерины, Умъ-Шомаръ и проч. Это средоточное мѣсто ознаменовано многими откровеніями и чудесами Божиими, и многими страданіями и духовными подвигами чадъ Божіихъ.

СИНАЙ ВЕТХОЗАВѢТНЫЙ.

На восточной полосѣ Синайскаго полуострова, за пятнадцать вѣковъ до рождества Христова, жили Мадіамляне. У нихъ былъ священникъ Юеоръ, чтя-